

Игорь Кобылин

Докучливый собеседник космического суверена:

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ
И ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Igor Kobylin

The Annoying Companion of the Cosmic Sovereign: Historical Imagination and Fantastic Materialism

Игорь Кобылин

доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ; доцент кафедры социально-гуманитарных наук ПИМУ; кандидат философских наук
kigor55@mail.ru.

Ключевые слова: исторический материализм, научная фантастика, кибернетика, искусственный интеллект, политическая теология, конец истории

УДК 130.2+930.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_14

Статья посвящена исследованию советского фантастического воображаемого как, прежде всего, воображаемого исторического. Сравнительный анализ философско-поэтической фантазмагии «Космология духа» Эвальда Ильенкова и научно-фантастической повести Геннадия Гора «Докучливый собеседник» позволяет не только уточнить наше знание о том, каким виделось историческое и космологическое будущее в советской культуре 1950–1960-х годов, но и связать трагико-оптимистическую футурологию советского модерна с актуальными алармическими сценариями ожидающих нас перспектив.

Igor Kobylin

Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities; Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Privolzhskiy Research Medical University
kigor55@mail.ru.

Keywords: historical materialism, SciFi, cybernetics, AI, political theology, the end of history

UDC: 130.2+930.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_14

The article is devoted to the study of the Soviet fantastic imaginary as, first of all, the historical imaginary. The comparative analysis of the philosophical and poetic phantasmagoria «Cosmology of Spirit» by Evald Ilyenkov and Gennady Gore's science fiction story «The Most Annoying Companion» allows us not only to clarify our knowledge of how the historical and cosmological future was seen in the Soviet culture of the 1950–1960ies, but also to connect the tragic-optimistic futurology of Soviet modernity with actual alarmist scenarios of the prospects awaiting us.

Как нам увидеть это невыносимое присутствие истории невооруженным глазом?

Фредрик Джеймисон

«Преуспеть через поражение»: научная фантастика, работа негативного и историческое воображение

Вынесенный в эпитаф вопрос Фредрика Джеймисона, несмотря на очевидно патетическую интонацию, отнюдь не является риторическим — сам Джеймисон дает на него подробный ответ, и этот ответ служит теоретическим ос-

нованием предпринимаемого ниже обращения к *научно-фантастическому* жанру в попытке прояснить проблему *исторического* воображаемого в литературе и визуальных искусствах. Может показаться, что подобное обращение не нуждается в дополнительном обосновании: понятно, что изучение современного исторического сознания — то есть такого, «которое с понятием истории начинает связывать горизонт социального и политического планирования, устремленность в будущее»¹ — должно принимать во внимание не только эстетические репрезентации прошлого, но и «прогностические» грезы о будущем. В этом смысле советскую научную фантастику, о которой далее пойдет речь, вполне законно рассматривать в качестве особого типа исторического воображения. Коммунизм — неизбежное будущее всего человечества, но основоположники и классики марксизма не оставили нам хоть сколько-нибудь подробного описания такого будущего. В этом зазоре между исторической неизбежностью и конкретно-образной (да и концептуальной) неопределенностью и располагался советский научно-фантастический дискурс — в той мере, конечно, в какой он продолжал быть более-менее ортодоксально советским.

Однако Джеймисон предлагает иной способ увидеть историю через посредство фантастики. С его точки зрения, капитализм радикально трансформировал не только экономические отношения, но и то, что можно было бы назвать опытом темпоральности. По мере превращения капитализма из «формации» в а-исторический, онто-космологический режим историческое чувство постепенно угасало — «прошлое мертво», История все больше напоминает теперь набор стилизованных образов, а исторический роман — пустую форму. Чувство истории возвращает нас научная фантастика, но не напрямую, а опосредованно — она

изобретает уникальный в структурном отношении метод для понимания настоящего как истории, и этот метод работает безотносительно к «пессимизму» или «оптимизму» изображаемого мира будущего, который только выступает поводом для создания остранения. Настоящее все равно оказывается прошлым, становятся ли конечным пунктом этого движения технологические чудеса Жюль Верна или, наоборот, изношенные и раскуроченные автоматы из произведений Ф.К. Дика о будущем².

Историческая ценность фантастики не в том, что она предлагает нам образы будущего, а в том, что она не способна сделать это по-настоящему. Невозможность изобразить радикально иное обнаруживает исторический предел нашего исторического воображения.

Этот структурный провал по-разному воплощается в западной и советской *SciFi* литературах. Будучи в одинаковой степени идеологичными, они отличаются способом работы с негативностью. В западной фантастике с ее преимущественно дистопическими образами будущего (катастрофы, постапока-

-
- 1 Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 230.
 - 2 Джеймисон Ф. Прогресс *versus* утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? / Пер. А. Горных // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сборник статей / Сост. и науч. ред. Наталья Самутина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 41.

липтические миры, тоталитарные империи) негативное вроде бы встроено в историю, но его работа — это лишь бесконечное повторение одного и того же: либидинальная гонка все меняет только для того, что порядок вещей на фундаментальном уровне оставался неизменным. В советской же фантастике, рисующей коммунистическое будущее, негативность вообще вытесняется — Джеймисон показывает это на примере романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Однако в советском архиве фантастических размышлений о будущем можно обнаружить и такие радикальные концепции негативности, в которых грядущая мировая катастрофа, знаменующая конец известной нам истории (причем не только человеческой, но и космологической), вызывается именно коммунистическим человечеством — и речь идет не о мрачной анти тоталитарной дистопии, а о патетической оде прекрасной миссии, справиться с которой под силу только освобожденному от всякой эксплуатации и отчуждения обществу. Такая парадоксальная — диалектическая — версия коммунистической перспективы и будет подробно рассмотрена ниже, причем в двух ключевых аспектах: с одной стороны, она — со всей экстремальностью ее выводов — выступит в качестве инструмента, экспериментально «тестирующего» мейнстрим советского научно-фантастического воображения, а с другой — позволит связать философскую апокалиптику советского модерна с актуальным историко-космологическим катастрофизмом, преимущественно эко-био-политического толка.

Космический суверен: огненное погребение и начало нового мира

В 7-м номере журнала «Новый мир» за 1963 год вышла рецензия на повести Геннадия Гора «Странник и время» и «Докучливый собеседник», подписанная именем «Эд. Вальдман». В короткой редакторской преамбуле к недавней публикации этого текста Андрей Майданский пишет, что хотя прямые доказательства авторства Э.В. Ильенкова не обнаружены, тем не менее

трудно себе представить, что реально существовал писатель с созвучным «Эвальду» именем Эд. Вальдман (нем.: «лесной человек»), который, по чистому совпадению, интересовался «философской фантастикой» и «мыслящими машинами», употреблял термин «гносеологический», — и все это как раз в тот год, когда Ильенков начал писать на эту же самую тему и тоже для «Нового мира»³.

Ильенков интересовался «философской фантастикой» не только как философ-исследователь, но и как своего рода автор-«фантаст»: у него есть как минимум два текста, которые в определенном смысле могут быть отнесены к жанру художественно-фантастических.

Первый текст — под названием «Космология духа» — был написан еще в 1950-е годы, но впервые опубликован только в 1988 году в журнале «Наука и

3 [Майданский А.Д.] Вальдман Эд. О «кибернетических» повестях Геннадия Гора // Философия Э.В. Ильенкова и современность: Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. / Под общ. ред. А.Д. Майданского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 15.

религия»⁴. По стилю — это философский трактат, однако степень радикальности заложенной в нем идеи такова, что Ильенков предпочел определить жанр своего текста как философско-поэтическую фантазмагорию. Напомним, что речь там идет о мессианской — вселенско-исторической — задаче будущего коммунистического человечества: оно должно предотвратить «тепловую» смерть Вселенной, перезапустив с самого начала ее историю ценой собственного существования⁵.

Правда, случится это через миллионы лет, и нам еще нужно придумать, как извлечь энергию, способную даровать миру его «новую огненную юность». Но уже сейчас осознание — пусть пока чисто эстетическое — неслучайности и бесплодности своего бытия, должно наполнить человека гордостью от величия стоящей перед ним цели.

Не так давно эта небольшая по объему, но, как можно заметить, вызывающе смелая по масштабу поставленных и решаемых в ней проблем работа была переведена на английский и прокомментирована Джулиано Вивальди⁶. К сегодняшнему дню уже сложился довольно значительный корпус интерпретаций этого текста⁷. Здесь предлагается еще одна — указание на представленное ниже толкование можно найти в статье Алексея Пензина. Пензин сравнивает ильенковскую космо-онтологическую интервенцию, прерывающую действие естественных законов природы ради возобновления существования этой последней, с революционно-интервенционистской политикой Ленина, основные положения которой он сформулировал в работе «Что делать». Далее — это эсхатологическое вмешательство призвано объяснить то, что Энгельс в «Диалектике природы» назвал «чудом»:

Энтропия не может уничтожаться естественным путем, но зато может создаваться. Мировые часы сначала должны быть заведены, затем они идут, пока не придут в состояние равновесия, и только чудо может вывести их из этого состояния и снова пустить в ход⁸.

Будучи Абсолютом — то есть высшей формой мировой материи — наш разум в своем уже историческом развитии все больше «отвязывается» (оправдывая свой абсолютный статус) от любых сдерживающих его мощь и власть ограничений. И наконец обретенный потенциал абсолютной суверенности оборачивается жестом абсолютной же трансгрессии.

4 Об историко-политическом и интеллектуальном контекстах появления этой работы см.: *Мареув С.* Встреча с философом Э. Ильенковым. М.: Эребус, 1997; *Mareyev S.* Cosmology of Mind // *Studies in East European Thought.* 2005. Vol. 57. № 3–4. P. 249–259; *Vivaldi G.* A Commentary on Evald Ilyenkov's Cosmology of the Spirit // *Stasis.* 2017. Vol. 5. № 2. P. 192–203.

5 См.: *Ильенков Э.В.* Космология духа // Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное: Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 442.

6 См.: *Ilyenkov E.* Cosmology of the Spirit // *Stasis.* 2017. Vol. 5. № 2. P. 164–190; *Vivaldi G.* A Commentary on Evald Ilyenkov's Cosmology of the Spirit.

7 См.: *Пензин А.* «Космология духа» Эвальда Ильенкова: опыт прочтения в свете современных философских дискуссий // *Vox.* Философский журнал. 2018. №25. С. 159–175; *Žižek S.* Sex and the Failed Absolute. London: Bloomsbury, 2020; *Chukhrov K.* Practicing the Good: Desire and Boredom in Soviet Socialism (e-flux). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020; *Софронов В.* Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: V-A-C Press, 2022.

8 *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 600.

Мы оказались в проблемном поле политической теологии — во всяком случае, той ее версии, которая связана с работами Карла Шмитта и их интерпретацией Джорджо Агамбеном⁹. Речь, конечно, не идет о влиянии, заимствовании или историко-философской параллели в строгом смысле. Скорее шмиттовская политическая теология предоставляет специфическую оптику, позволяющую рассмотреть проект Ильенкова под необычным углом и обнаружить там то, что прежде не замечалось. С другой стороны, космология советского философа демонстрирует такие возможности «секуляризации» теологического, которые и политическое смещают с завоеванного им в Новое время места и диалектически преобразуют. Действительно, ильенковский космологический «децизионизм» является предельно парадоксальным — теологическое измерение оказывается здесь имманентно-материалистическим, а политическое суверенное решение достигается только через посредство де-суверенизации.

В этой — диалектической — логике необходимо рассматривать и возрастающую суверенность человечества, которая достигается только через собственную противоположность, через размыкание ограниченной в своей партикулярности самости. Мощь становится возможна лишь через посредство сущностного бессилия, а окончательным утверждением абсолютной суверенности будет жертвенный отказ от нее¹⁰.

Ветхий Адам и Черный ящик

Второй научно-фантастический текст Ильенкова, некоторые концептуальные странности которого прояснятся, как мы увидим, на фоне первого, называется «Тайна черного ящика». Он был напечатан 21 марта 1964 года в многотиражке Ростовского государственного университета по протекции его ректора Юрия Жданова¹¹. В качестве «научно-фантастической прелюдии» он открывает книгу «Об идолах и идеалах» (1968), — относительно популярно написанный текст которой представляет собой развернутое высказывание Ильенкова на тему кибернетики, подытоживающее и развивающее его более ранние тезисы¹².

-
- 9 См.: Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филишова. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59; Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с итал. М. Велижев, О. Дубицкая, С. Козлов, И. Левина, П. Соколов; науч. ред. Д. Новиков. М.: Европа, 2011; Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение / Пер. с итал. М. Велижев, О. Дубицкая, С. Козлов, И. Левина, П. Соколов; науч. ред. Л. Воропай. М.: Европа, 2011.
 - 10 Ср. с формулировкой Жоржа Батая, исходившего, правда, из других посылок: «Суверенность советского человека, связанная с суверенным отказом от суверенности»: Батай Ж. Суверенность / Пер. Т.А. Левиной, О.Е. Ивановой // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. С. 406.
 - 11 О непростой истории этого текста см.: Потёмкин А. О тайне «черного ящика» // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях / Под ред. Г.В. Лобастова. М.: РГГУ, 2004. С. 224–228; [Майданский А.Д.] Вальдман Эд. О «кибернетических» повестях Геннадия Гора.
 - 12 См.: Арсеньев А.С., Ильенков Э.В., Давыдов В.В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Наука, 1966. С. 263–284.

В нашу задачу не входит подробный анализ этой книги. Достаточно напомнить, что кибернетический бум там описывается в качестве очередной итерации религиозного сознания¹³. Неудивительно, что и «прелюдия» к книге, раскрывающей религиозное измерение кибернетики, оказывается насыщена религиозно-теологическими аллюзиями — буквально с первой страницы. В маленькой предварительной главке «Идеалы и интегралы» — своего рода прелюдии к прелюдии — автор спорит с изобретшим мыслящую машину ученым-кибернетиком по имени Адам Адамыч. Сложно не увидеть в этом удвоенном имени библейского первого человека символического указания на самопорожденность человечества — не только в философско-диалектическом смысле Марксова выражения из «К критике гегелевской философии права» («Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне. Но корнем для человека является сам человек»¹⁴), но и в том онто-космологическом смысле, о котором шла речь выше. Человек — это абсолютный творец, (неоднократно) сотворивший сам себя: поскольку субстанция вечна, а мы — актуально существуем, значит в прошлом уже были бесчисленные удачные попытки построения коммунистического общества, бесчисленное количество раз сгоравшего в суицидальном огне перезапуска Вселенной.

Как становится понятным далее, уже из основного текста памфлета, сотворенный Адам Адамычем робот — «Мыслящая Машина Умнее Человека» по имени Интеграл — в течение «одной тысячной доли секунды» смоделировал историю машинной цивилизации, альтернативной человеческой. «Намек» этой «сказки» достаточно прозрачен: царство победивших машин — это жутковатое царство автономизированных человеческих способностей, «органов без тела», царство распавшегося на абстрактные части единства, где каждая часть «совершенствует» одну-единственную, изолированную от других способность, натываясь в конечном счете на абсолютный предел такого «развития». Черный же Ящик, оборачивающийся в финале великой пустотой, это и есть символ невозможного для машинного мышления «отсваивания» (Чухров), перехода в свое другое, в инобытие, перехода, который обеспечивает диалектическое — а значит, внутренне противоречивое — единство.

Однако в «Тайне...» есть — на первый взгляд чисто стилистическая — странность, которая делает этот текст несколько двусмысленным. В самом начале памфлета Управляющее Устройство так обращается к присутствующим на Великом Конгрессе Соединенных Штатов Автоматики:

— Господа Мыслящие Машины! <...> Давно миновали темные времена, когда наши малоразвитые предки верили в легенду, будто первое мыслящее устройство было создано силою воли и разума некоего мифического существа, именуемого в преданиях «человеком». И все-таки атавизмы этой дикой веры встречаются среди нас и поныне. Отдельные машины, поглядите на себя — на кого вы похожи!¹⁵

13 См.: *Кобылин И.* «Электронный Лозэнгрин»: провиденциальная машина советской кибернетики // *Художественный журнал.* 2019. № 111. С. 27–35; *Чухров К.* Философское бессилие разума. Современную критику позиции Ильенкова в отношении кибернетики см.: *Майданский А.* «Не отомрёт, с-собака!»: Э.В. Ильенков о государстве // *Свободная мысль.* 2013. № 4. С. 171–182.

14 *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 422.

15 *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. С. 12.

Даже современный читатель, не получивший советского образования и не сдававший зачет/экзамен по научному атеизму, без особого труда опознает в этом отрывке пародию на официозные советские тексты, разоблачающие религиозные иллюзии и демонстрирующие механизмы их исторического порождения. По ходу действия выясняется, что в неких «древних книгах» с симптоматичным названием «Протоколы» излагается легенда, все еще ходящая среди машин, что якобы сотворивший их человек, стремясь скрыть собственную интеллектуальную ущербность, сам теперь выдает себя за машину.

Станным для советского автора, искреннего марксиста, образом насмешка над освободившимися от человека (и от религиозной идеологии «антропологизма») машинами лукаво повторяет господскую иронию по отношению к восставшей черни. Вряд ли у этого пародийно-сатирического повторения есть единственный смысл. Однако кажется вполне вероятным, что в такой — нарочито сниженной, «карнавальной» — форме Ильенков подчеркивал ту вполне серьезную, если не сказать патетическую, веру в имманентную божественность человека и его мессианское предназначение, которую мы обнаруживаем в «Космологии духа». Не зря он не устает напоминать, что человек должен вернуть себе власть над Машиной, превратиться в ее подлинного «Господина и Хозяина» — вообще, разнообразная метафорика власти встречается практически во всем тексте. Восстание машин утверждает суверенность алгоритмического разума, замыкается в ней и тем самым теряет ее, поскольку подлинная суверенность удерживается только посредством радикальной несuverенности и открытости бесконечности.

«Замедление времени»

В общем, с учетом такого интереса Ильенкова к фантастике предположение Майданского, в отсутствие прямых доказательств, выглядит достаточно убедительно. Дополнительным аргументом может послужить то, что и сама фантастика Геннадия Гора была преимущественно философской.

Об особой любви Гора к философии писали и почти все мемуаристы, вспоминавшие о нем, и исследователи его творчества¹⁶. Есть большое искушение сделать напрашивающийся вывод, что весь научно-фантастический антураж позднего Гора не более чем «исчезающий посредник» для разговора на те философские темы, что интересовали его со времен юности. Звездолеты, роботы, станции на далеких планетах — это «легальный» способ рассказать о загадках времени, «окнах» и «калитках» в нем, о своего рода опыте мультитемпоральности, прикоснуться к которому позволяло авангардное и модернистское искусство XX века, в 1960–1970-е годы постепенно выводившееся в публичный дискурс, но по большей части продолжавшее оставаться не слишком удобным для официальной культуры: во всяком случае, вспоминать о нем в мемуарах

16 См.: *Бритиков А.Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970; *Геллер Л.* Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985; *Ласкин С.* «Гор сказал...». Геннадий Гор в дневниках 1964–1982 годов / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Ласкина // *Звезда*. 2017. № 10. С. 117–143; *Рахманов Л.* Из воспоминаний. Геннадий Гор // *Нева*. 1984. № 6. С. 110–117.

было безопаснее, чем вновь начать практиковать его художественные приемы в собственном письме. В большом мемуарном эссе «Замедление времени», опубликованном в 1968 году в журнале «Звезда», Гор описывает озарение, случившееся с ним на одной из лекций во время учебы на «ямфаке» — созданном академиком Марром факультете языка и мышления:

Помню, как меня охватил восторг, когда я понял <...> что язык — это культурная среда, в которой мы обитаем, нечто вроде второй, но уже духовной «биосферы», связывающей каждого со всеми и создающей из истории одновременность, в которой мысленно переключаются разные поколения и аукаются разбредшиеся во времени и пространстве люди¹⁷.

В этом смысле все космические одиссеи его научной фантастики — это попытка переложить юношескую философско-лингвистическую интуицию на язык популярной жанровой литературы, при этом не слишком соблюдая ее конвенции. Специалист по творчеству Гора Андрей Муждаба в беседе с Полиной Барсковой, много писавшей о блокадной поэзии Гора, заметил по поводу его фантастических произведений:

Мне кажется, Гор не выдерживает жанр, потому что жанр Гору не очень интересен. <...> Это был еще один способ «быть уткой» в советской литературе, подходящий жанровый карман, который еще и помог Гору справляться с нарративом. Кажется, это было так не для одного Гора. Там, в общем, не так уж много привычных жанровых признаков научной фантастики¹⁸.

И этих признаков становилось с каждым текстом все меньше — жанрового посредника в прямом смысле можно назвать «исчезающим». Таким образом, представить Ильенкова автором рецензии на повести Гора становится еще легче — почему бы философу, иногда пишущему «научно-фантастические» трактаты и памфлеты, не откликнуться на произведения фантаста, столь увлеченного философскими проблемами?

Ответить на этот вопрос положительно мешает только одно обстоятельство. Как бы ни было «трудно себе представить, что реально существовал писатель с созвучным “Эвальду” именем Эд. Вальдман» (Андрей Майданский), такой писатель действительно существовал. Звали его Эдгар Карлович Вальдман, часто подписывавшийся именно как «Эд. Вальдман»¹⁹. В 1950–1960-е годы он выпустил целый ряд научно-популярных книг, посвященных радио, телефонии, военному и военно-морскому делу.

В 1965 году в 153-м номере газеты «Советская культура» опубликована статья под названием «Покажите нам марсиан», в которой автор — «Эд. Вальдман» — рассуждает об иллюстрациях к фантастике, попутно замечая, что его

17 Гор Г. Замедление времени // Гор Г. Волшебная дорога: Роман, повести, рассказы. Л.: Советский писатель, 1978. С. 188.

18 Барскова П., Муждаба А. «Гор не только может показаться неровным, но и был неровным писателем» // Colta. (URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/26472-polina-barskova-andrey-muzhdaba-literaturnyy-put-gennadiy-gor>).

19 Автор благодарен литературоведу Алексею Коровашко за продуктивное обсуждение проблемы авторства рецензии в целом и за указание на Эдгара Карловича Вальдмана в частности, см.: Коровашко А. Мнимый Ильенков // Новый мир. 2024. № 4. С. 186–191.

«действие» — это не только непосредственная критика конкретных художников, но и «даже чуточку теория сегодняшней научно-фантастической книги»²⁰. Все-таки сложно себе представить, что Ильенков продолжал эксплуатировать этот псевдоним, анализируя на досуге советские изображения «внегалактических красавиц»²¹.

В рецензии на повести Гора Вальдман довольно подробно пересказывает содержание «Докучливого собеседника», и поскольку сделать это, в принципе, довольно сложно, а знание фабулы понадобится читателю, чтобы следить за дальнейшим анализом, есть смысл привести этот пересказ целиком:

Первый план повести: Ленинград, научно-исследовательский институт, больница, ученые и литераторы, а также (в двух-трех сценах) Париж. Перед нами проходят: профессор Ветров, археолог, нашедший огромный череп гипотетического путешественника; его приятель Арбузов, спасший в годы войны и опубликовавший рукописи Ветрова вместе с единственной фотографией находки, уничтоженной взрывом немецкой фугаски; профессор Апугин, морфолог, оспаривающий подлинность этой фотографии и космическую гипотезу Ветрова; член-корреспондент Бородин и аспирант Богатырёв, оба физиологи, математики, конструкторы, занятые работой по созданию искусственного мозга; физиолог, психиатр и автор научно-фантастических романов профессор Тмарцев; детский писатель-фантаст Виктор Марсианин; журналист и фельетонист Глеб Морской; наконец, зарубежный философ-экзистенциалист Николай Арапов. Второй план повести — это герои и события научно-фантастической книги о космическом Путешественнике и его докучливом Собеседнике, книги, которую как раз и пишет профессор Тмарцев — едва ли не центральное лицо первого плана повести. Причем здесь, то есть в этой научной фантастике, опять-таки нужно отметить два достаточно различных слоя повествования. Во-первых, сам Путешественник — физиолог и кибернетик, единственный из оставшихся в живых анеидайцев — пассажиров разрушенного космолета, живущий на первобытной Земле в обществе своих роботов и в прозрачном соприкосновении с наблюдаемыми им пещерными людьми. И во-вторых, воспоминания Путешественника (здесь ему помогают роботы-интеллектуалы) о покинутой им, по-видимому, навсегда и безвозвратно, родной планете, на которой осталась его жена Дуона, а также физиолог и кибернетик Рат, создатель робота Собеседника, в которого он «вложил» «часть» своей личности и которого, так сказать, в порядке мести, отправил рядом с Путешественником в беспредельный космос... Даны и другие фигуры высокоразвитой цивилизации Утреннего Мира, где особенно сильное движение получили биология, биохимия, биоэнергетика, биомеханические машины и т.п.²²

Нижеследующая часть статьи — это попытка представить, а какой, собственно, могла бы быть действительная интеллектуальная реакция Ильенкова на кибернетическую повесть Гора (как и Вальдман, мы остановимся только на «Докучливом собеседнике» — и не на всем тексте повести, а только на тех фрагментах, где говорится об устройстве субъективности посланцев Анеидау). Вернее, главный вопрос можно сформулировать следующим образом: как

20 Вальдман Эд. Покажите нам марсиан! // Советская культура. 1965. 21 дек. С. 3.

21 Там же.

22 Вальдман Эд. О «кибернетических» повестях Геннадия Гора // Философия Э.В. Ильенкова и современность. С. 16–17.

можно прочесть эту повесть сегодня в оптике, предложенной Ильенковым? Речь не идет о биографическом, историко-литературном или имманентном исследовании. Скорее здесь следует говорить о философском эксперименте, тестирующем историческое воображаемое позднесоветской эпохи. Вынужденное реагировать на «вторжения» извне (кибернетика, искусственный интеллект, теории самоорганизации), это воображаемое пыталось диалектически освоить подобные «вторжения», абсорбировать их, включить в собственное идеологическое «тело» — но сделать это без симптоматических последствий удавалось далеко не всегда.

Миссия невыполнима

Первое, что обращает на себя внимание в «Докучливом собеседнике», — это расколотая субъективность Путешественника. Часть его способностей оказывается распределена между двумя роботами-двойниками: один, именующийся в повести «Твое Второе Я», отвечает за память, а другой, полумашина-полуорганизм, названный «Анти-Ты», — «циник и скептик, чуточку нигилист» — за критическое, антидогматическое мышление. Эта странная — разъятая на отдельные моменты и технически опосредованная — структура субъекта не столько демонстрирует возможности «расширений» (*extensions*) медиатизированного человеческого тела, о которых примерно в то же самое время писал Маршалл Маклюэн (и которыми читатель вроде бы должен восхититься как фантастическими достижениями будущего), сколько предстает пародийным образом фихтеанского Я, с его внутренней диалектической игрой между *Ich* и *Nicht-Ich*. Учитывая, что «Докучливый собеседник» насыщен как прямыми цитатами из философской классики (в том числе и немецкой), так и более-менее прозрачными аллюзиями на разного рода философские учения, велик соблазн предположить, что намек на Фихте является тут вполне сознательным.

Поскольку нас прежде всего интересует проблема истории и исторической (мульти)темпоральности, обратимся сначала к отданной на технический аутсорс памяти Путешественника. Вообще Гор пишет о мнемонических особенностях жителей планеты Анеидау так: «Путешественник и ему подобные помнили сравнительно немного. Да и к чему загружать память, удерживать в своем мозгу все случайные события и впечатления постоянно ускользающего времени — бытия?»²³. По-ницшеански освободив себя от груза ненужных воспоминаний, передоверив их техническому устройству, анеидайцы одновременно и радикально расширили объемы запоминаемого (механический девайс в состоянии сохранить «все до последней мелочи»), и столь же радикально сузили пространство собственного опыта. Робота «придали» Путешественнику с момента пробуждения у последнего сознательного восприятия: «Твое Второе Я хранит воспоминания, и утратить его — значит утратить свое прошлое»²⁴. Однако является ли чудовищный массив «всех случайных событий», «всего до последней мелочи» именно *твоим собственным* прошлым? Более того, «утерять» его по-настоящему является делом непростым — памятьливый механи-

23 Гор Г. Докучливый собеседник // Гор Г. Глиняный папуас: Научно-фантастические повести и рассказы. М.: Знание, 1966. С. 190.

24 Там же. С. 191.

ческий двойник, согласно Гору, бессмертен, и неуничтожимые записи этого несобственного прошлого будут храниться вечно.

Впрочем, дело не только в том, что у анеидайцев память — и, по всей видимости, опыт вообще — оказываются технически экстерниоризированы и тем самым отчуждены. В этом смысле они лишь доводят до конца то, что уже зримо намечено в пространстве земной модерности. Куда важнее менее очевидные последствия такой экстерниоризации для трансцендентальной структуры субъективности, ответственной за производство самой историчности.

Фантастика Гора, как уже говорилось выше, фантастика «гуманитарная», далекая от описания правдоподобных научно-технических подробностей вымышленных миров будущего или альтернативных цивилизаций настоящего/прошлого. Соответственно, никаких деталей и нюансов функционального устройства робота-«мнемоника» читателю не сообщается. Более того, даже не очень понятно, являются ли робот «Твое Второе Я» и робот Ипс, который «вбирал <...> все впечатления бытия»²⁵, одним и тем же механизмом. По всей видимости, являются, поскольку Ипс вбирал впечатления «в свою необъятную память» и разворачивал запечатленное бытие — как анеидайцев, так и неандертальцев — «в пространстве и времени»²⁶. Наличие двух имен (или двух устройств) никак не проясняется Гором, но по контексту можно предположить, что Ипс именуется скорее процедуру восприятия-впечатления, а «Твое Второе Я» — собственно память, в момент обращения к ней субъекта.

Обычно память понимается как ослабленная копия впечатления. Если следовать этому расхожему представлению, то в случае описанного Гором механического «запечатления» событий разницы между первоначально «воспринятым» и «запомненным» в этом отношении не будет. (Тем интереснее наличие двух имен и, соответственно, двух все же различаемых Гором аспектов.)

В эссе «Воспоминание настоящего» Анри Бергсон писал: «По мере того, как создается восприятие, его воспоминание вырисовывается возле него, как тень рядом с предметом. Но сознание не замечает его в нормальном состоянии, подобно тому, как глаз не замечал бы нашей тени, если бы он освещал ее всякий раз, как поворачивался к ней»²⁷. То есть, согласно Бергсону, память *одновременна* восприятию — при этом она отличается от него *по природе*, а не по степени интенсивности. Феномен дежавю — то есть феномен лже-узнавания — обнажает обычно скрытый от нас механизм их совместной работы. Далее Бергсон уточняет, что различие по природе — это модальное различие: восприятие соотносится с действительным, а память — с виртуальным или возможным. Последнее, конечно, вызывает удивление — как правило, модальная категория возможного отсылает не к памяти, то есть к зафиксированному прошлому, а к будущему. Итальянский философ Паоло Вирно, предпринявший исследование взаимосвязи между феноменом дежавю и становящимися в последнее время все более одержимыми рассуждениями о конце истории, заметил, что в другом эссе — «Возможное и действительное» — Бергсон проясняет эту странную соотношенность. Так же как восприятие не предшествует памяти, возможное не предшествует действительному, вернее, как это ни парадок-

25 Там же. С. 217.

26 Там же. С. 190.

27 Бергсон А. Воспоминание настоящего / Пер. с фр. В. Флеровой // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 1026.

сально, оно начнет ему «предшествовать» только тогда, когда действительное становится самим собой, то есть полностью осуществляется. Только когда нечто реализуется как таковое, мы и узнаём, что оно было всегда возможно.

Отталкиваясь от этих рассуждений Бергсона, Вирно строит собственную концепцию генезиса исторического времени, которая хорошо резюмируется в следующей цитате:

История существует потому, что необратимый поток настоящего в каждой точке пересекается тем, что мы называем «прошлым-вообще»: сингулярное «сейчас», которому предшествуют другие сингулярные «сейчас», само в себе таит темпоральную (но не хронологическую) связь между «до» предрасположения (прошлое настоящего) и «после» реализации²⁸.

Любой акт восприятия, отсылающего к действительному, есть одновременно и акт воспоминания, отсылающего к возможному как к «чистому прошлому», чистой «форме-прошлого». Таким образом, хронологическое прошлое датированных событий дополняется нехронологическим прошлым, которое, будучи чистым, трансцендентальным «до», позволяет в каждом осуществленном действии обнаружить неисчерпаемую бездну возможности/способности. Если же и восприятие, и память оказываются передоверены внешнему механическому устройству, то модальное различие между ними коллапсирует в чисто формальное. В результате история редуцируется до бесконечной фиксации уже-данного в его данности, переставая в определенном смысле быть историей.

Имя Бергсона мельком упоминается в повести²⁹, и можно предположить, что для философски образованного Гора, пишущего фантастическую повесть о памяти и времени, концепция французского философа, в свое время предложившего радикально новую трактовку и того, и другого, была сущностно важна. Тем более что в тексте есть еще одно указание, позволяющее говорить о коллапсе в Утреннем мире измерения потенциального, а значит — и истории вообще. Описывая культуру планеты Анеидау, Гор отмечает, что ее жители

давно выработали в себе насмешливое отношение к иллюзии и иллюзионизму. В иллюзионизме было нечто сентиментальное, напоминавшее о древних романах и древней живописи, когда художники и писатели еще не подозревали, какие могучие средства будут созданы, чтобы схватить, удержать, передать и дать почувствовать ускользающее время³⁰.

Под иллюзионизмом здесь, по всей видимости, Гор имеет в виду репрезентацию как таковую, всегда предполагающую конститутивный зазор между реальностью и ее изображением, а следовательно, открывающую и пространство возможного. Анеидайцы — это настоящие «художники реальности», живущие в мире плоской онтологии: вместо того чтобы вообразить себе феноменологию нечеловеческого опыта («Что значит быть летучей мышью?»), они строят приборы, позволяющие пережить его непосредственно; вместо того чтобы тратить

28 *Virno P. Déjà Vu and the End of History.* London; New York: Verso, 2015. P. 29. Подробнее см.: *Кобылин И.* «Déjà vu и конец истории»: возможности и действительность // *Неприкосновенный запас.* 2022. № 5 (145). С. 67–77.

29 Бергсон оказывается одним из учителей персонажа повести — русского эмигранта и философа-экзистенциалиста Николая Арапова.

30 *Гор Г.* Докулиный собеседник. С. 217–218.

время, пытаясь обрести его вновь в художественном поиске, они капсулируют его технически. Само собой разумеется, что речь идет о фантастическом допущении, терпимом к внутренним противоречиям: даже анекдотическое общество должно содержать хотя бы рудименты прежних систем репрезентации, чтобы его вообще можно было описать понятным человеку образом. Но тенденция очевидна и отчасти узнаваема сегодня — бесконечная запись данного в его данности не может не напоминать плоский мир *Big Data*, где потенциальность, делающая реальность исторической, также исчезает, а хранилища данных (само)управляются посредством «алгоритмической гвернаментальности».

Теперь самое время вернуться к Ильенкову, который вроде бы опирался на Спинозу и Гегеля, и в особых симпатиях к Бергсону замечен не был. В своей самой известной работе «Диалектическая логика» (1974), поясняя спинозистскую концепцию мыслящего тела, он так описывает рождение человеческого мышления:

...в цепь событий <...> властно вмешивается, вклинивается, разрывая готовую цепь, а потом замыкая ее разорванные концы по-новому, каждый раз на иной лад, каждый раз в согласии с новыми, заранее не предусмотренными никакой готовой схемой условиями и обстоятельствами внешнего действия, дополнительное звено — «размышление». А «размышление» как раз и есть такое внешне никак не выраженное действие, которое направлено на *перестройку самих схем преобразования* исходного взаимодействия в ответную реакцию. Здесь *тело имеет предмет своих действий само себя* <...> Мышление и есть способность активно строить и перестраивать схемы внешнего действия сообразно любому новому стечению обстоятельств, а не действовать по готовой схеме, как то делает автомат или любое неодушевленное тело³¹.

Очевидно, что измерение возможного помещается здесь в самую сердцевину человеческого способа мыслить. Если машина замкнута в собственном «суверенном» алгоритме и потому в своей данности бессильна перед миром, то человек, приостанавливая алгоритмические «законы», управлявшие его «естественным» существованием, открывает навстречу любому *возможному* объекту/обстоятельству/событию и в этой открытости внешнему и несобственному обретает собственную несuverенную суверенность³². А тем самым — и историческое время как время своего (само)преобразования и подготовки к мессианской акции огненного перезапуска мира. Линейно-прогрессивная история оказывается здесь необходимым элементом космического цикла.

Но, пожалуй, еще больше насторожил бы Ильенкова второй робот — «Анти-Ты», мстительная органо-механическая инкарнация заклятого врага Путешественника тщеславного кибернетика Рата. Вроде бы призванный критически оценивать интеллектуальные новации своего «хозяина», он в основном напоминает ему о прошлых любовных грешках и профессиональных неудачах. Так, в частности, «циник» и «нигилист» не дает Путешественнику забыть о научной ошибке: экспедиция открывает недискретную форму жизни, в существование которой Путешественник не верил, поскольку она была бы лишена памяти. Этот эпизод, по всей видимости, полемически отсылает к «Солярису» Лема, где Океан играл с памятью земных пришельцев. Любопытно,

31 Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. С. 39–40. Курсив Э.В. Ильенкова.

что «Анти-Ты», напоминая о живом беспамятном «студне» с планеты, которая была названа именем Путешественника, предъявляет последнему истину его собственной беспамятности — остатка технического «снятия» личных мнезических способностей анеидайцев.

Но даже если бы «Анти-Ты» действительно выполнял свою критическую функцию, это вряд ли устроило бы Ильенкова. В статье «Учиться мыслить!» (1977) он адаптировал сложную диалектическую историю становления диалектического же мышления из гегелевской «Феноменологии духа», представив эту историю на материале детской психологии, иллюстрируя ее примерами различных стадий интеллектуального развития ребенка. Так догматическому философскому мышлению соответствует детский эгоцентризм — «субъективно-одностороннее понимание мира вещей и слов». Разглядывая объект с одной фиксированной точки зрения, ребенок не желает замечать и учитывать тот факт, что с другого ракурса вещь может выглядеть совершенно иначе. Для него та же самая вещь, взятая с другой точки зрения, будет уже другой вещью. Догматический эгоцентризм ребенка оказывается поколебленным только тогда, когда он вынужден вступить в спор с другими детьми, равными ему эгоцентриками, занимающими другие позиции по отношению к наблюдаемой вещи. Здесь критико-скептическая функция закреплена за другим, внешним по отношению к субъекту, человеком. Подлинное диалектическое мышление — то есть настоящее мышление вообще — возникнет только в том случае, если субъект перестанет нуждаться в реальном другом и научится занимать возможную противоположную точку зрения в своем собственном сознании.

Если мы теперь вернемся к «расширенной» субъективности Путешественника, то обнаружим, что речь должна идти о постепенной регрессии его мышления к детской эгоцентрической фазе. Анеидаец на глазах разучивается интериоризировать скептическую позицию — ему в буквальном смысле опять нужен другой, машина, полупревратившаяся в желчного человека, которого он вполне по-детски недолюбливает: «Скептика делает скептиком не количество извилин, а дурное воспитание, привычка смотреть на все свысока, осуждать, не вникая в сущность»³³. Невероятное техническое достижение оборачивается антропологической катастрофой.

Самое странное, что Гор, очевидным образом стремившийся представить Утренний мир продвинутой коммунистической цивилизацией, не замечает (или, наоборот, специально ее вводит, и тогда его авторская позиция становится еще более сложной) структурной аналогии между устройством субъекта на Анеидау и нозологическими отделениями психиатрической больницы, где работает профессор Тмарцев. Так одним из его пациентов оказывается человек, полностью лишенный памяти: «У Иванова полное отсутствие связи с прошлым. Он ничего не помнит, словно только что родился. Его прошлое превратилось в ничто»³⁴. Другой — Рябчиков — о котором в повести рассказывается довольно подробно, напротив, в результате бытовой травмы очутился в собст-

32 См. о необходимой связи между суверенностью и потенциальностью: Агамбен Дж. *Номо сасер. Суверенная власть и голая жизнь*. С. 64. Экспликация связи между структурой суверенности у Агамбена, концепцией истории Вирно и космологическим спинозизмом Ильенкова требует отдельного большого разговора.

33 Гор Г. *Докучливый собеседник*. С. 194.

34 Там же. С. 228.

венном прошлом и уже не может оттуда выбраться: «Он, в сущности, не живет, а только вспоминает. Воспоминания — это и есть единственная реальность, с которой он считается»³⁵.

Совершенно неслучайна та случайность, что Путешественник оказывается на Земле в мире неандертальцев. В определенном смысле можно сказать, что антропологическая регрессия возвращает его в начало не только своей, но и чужой истории. Малый «эсхатологический» круг завершается неудачей — эстафета передается новому претенденту на роль коммунистического мессии, но судя по тому, насколько робким и безысходным стало сегодня наше воображение, о подлинно творческом — в понимании Ильенкова — акте нам пока приходится только мечтать.

Оптимистическая трагедия негативности

Относительно недавно Славой Жижек посвятил небольшую заметку «Космологии духа». В ильенковской фантазмагории он видит исключительно тотальную «оргию разрушения» жизни, отождествляя жест Ильенкова с жестом де Сада из пятой книги «Жюльетты» и квалифицируя тем самым негацию, осуществляемую советским философом, в качестве «домодерной», «мифической», наивно-реалистической, противопоставляемой Жижекком измерению «современной», подлинно радикальной негативности, всегда-уже вписанной в структуру субъекта³⁶.

Субъект, гегелевская «мировая ночь», согласно Жижеку, и есть имя этой неполноты. В этом смысле сам субъект и есть уже та катастрофа, которую он, по Ильенкову, должен вызвать в будущем. Кети Чухров, оспаривая мнение Жижека, показывает, что в случае Ильенкова ни о какой онтологической наивности речь идти не может — физическая реальность, как она представлена в «Космологии...», уже включает в себя «политико-экономические, социальные и ноуменальные параметры», а ильенковский коммунистический субъект, кажущийся Жижеку просто объективированным инструментом саморегуляции Вселенной, на самом деле является подлинно новой субъективностью, наконец-то освободившейся от нарциссической привязанности к собственному отчуждению³⁷. Действительно ильенковская космология не исключает контингентности — человечество может так и остаться «плесенью на остывающей планете», «старческой болезнью материи», «пустоцветом» — чем-то вроде «голой жизни» Агамбена, которая в итоге будет просто убита. Но она способна сотворить чудо, политическим решением принеся себя в жертву. Если продолжить начатое Алексеем Пензиным сопоставление «контингентной необходимости» Ильенкова и «необходимости контингентности» у Мейясу, то можно сказать, что если у последнего гиперхаос, лежащий в «основе» мира, лишеного всякой основы, позволяет надеяться на возможное, но сущностно контингентное событие — появление в будущем Бога (сейчас не существующего но актуально, ни потенциально), который разрешит «дилемму призрака», то

35 Там же. С. 213.

36 *Žižek S.* Sex and the Failed Absolute. London: Bloomsbury, 2020. P. 52.

37 *Chukhrov K.* Practicing the Good: Desire and Boredom in Soviet Socialism (e-flux). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020. P. 253–256.

есть уравнивает всех людей в бессмертии, то, согласно автору «Космологии...», сам человек с необходимостью должен пережить историческое контингентное становление богом, уравнивающим всех в смерти ради творения новых миров. И в отличие от многочисленных современных эко-био-гео-концепций, призывающих человечество перед лицом грядущей экологической катастрофы отказаться от слишком энергос затратного исторического бытия в пользу био-видовой метанои³⁸, Ильенков настаивает на том, что спасение Абсолюта возможно только посредством исторического движения, а это позволяет надеяться, что и наши бои за историю еще не проиграны.

Библиография / References

- Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с ит. М. Велижева, О. Дубицкой, С. Козлова, И. Левиной, П. Соколова; науч. ред. Д. Новиков. М.: Европа, 2011.
- (Agamben G.)* Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita. Moscow, 2011. — In Russ.)
- Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение / Пер. с ит. М. Велижева, О. Дубицкой, С. Козлова, И. Левиной, П. Соколова; науч. ред. Л. Воропай. М.: Европа, 2011.
- (Agamben G.)* Homo sacer. Stato d'eccezione. Moscow, 2011. — In Russ.)
- Арсеньев А.С., Ильенков Э.В., Давыдов В.В.* Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Наука, 1966. С. 263–284.
- (Arsen'yev A.S., Il'yenkov E.V., Davydov V.V.)* Mashina i chelovek, kibernetika i filosofiya // Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka. Moscow, 1966. P. 263–284.)
- Барскова П., Муждаба А.* «Гор не только может показаться неровным, но и был неровным писателем» // Colta. 2021 (URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/26472-polina-barskova-andrey-muzhdaba-literaturnyy-put-gennadiy-gor>).
- (Barskova P., Muzhdaba A.)* «Gor ne tol'ko mozhet pokazat'sya nerovnym, no i byl nerovnym pisatelem» // Colta. 2021 (<https://www.colta.ru/articles/literature/26472-polina-barskova-andrey-muzhdaba-literaturnyy-put-gennadiy-gor>).
- Батай Ж.* Суверенность / Пер. с фр. Т.А. Левиной, О.Е. Ивановой // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. С. 313–490.
- (Bataille G.)* La souveraineté // Bataille G. La part maudite: la sociologie sacrée. Moscow, 2006. P. 313–490. — In Russ.)
- Бергсон А.* Воспоминание настоящего / Пер. с фр. В. Флеровой // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 1005–1049.
- (Bergson H.)* Le souvenir du présent // Bergson H. L'Évolution créatrice. Matière et mémoire. Minsk, 1999. P. C. 1005–1049. — In Russ.)
- Бритиков А.Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970.
- (Britikov A.F.)* Russkiy sovetkiy nauchno-fantasticheskiy roman. Leningrad, 1970.)
- Вальдман Эд.* Покажите нам марсиан! // Советская культура. 1965. 21 дек. С. 3.
- (Val'dman Ed.)* Pokazhite nam marsian! // Sovetskaya kul'tura. 1965. 21 Dec. P. 3.)
- Вальдман Эд.* О «кибернетических» повестях Геннадия Гора // Философия Э.В. Ильенкова и современность: Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. / Под общ. ред. А.Д. Майданского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 15–21.
- (Val'dman Ed.)* O «kiberneticheskikh» povestyakh Gennadiya Gora // Filosofiya E.V. Il'yenkova i sovremennost': Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Il'yenkovskiy chteniya». Belgorod, 2016. P. 15–21.)

38 О «негативной универсальности» возвращения к видовой жизни см., например: *Chakrabarty D.* The Climate of History in a Planetary Age. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2021.

- Геллер Л.* Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
- (*Geller L.* Vselennaya za predelami dogmy. Razmyshleniya o sovetskoj fantastike. London, 1985.)
- Гор Г.* Докучливый собеседник // Гор Г. Глиняный папуас: Научно-фантастические повести и рассказы. М.: Знание, 1966. С. 189–343.
- (*Gor G.* Dokuchlivyy sobesednik // Gor G. Glinyanuyu papuas: Nauchno-fantasticheskiye rovesti i rasskazy. Moscow, 1966. P. 189–343.)
- Гор Г.* Замедление времени // Гор Г. Волшебная дорога: Роман, повести, рассказы. Л.: Советский писатель, 1978. С. 163–201.
- (*Gor G.* Zamedleniye vremeni // Gor G. Volsheb-naya doroga. Leningrad 1978. P. 163–201.)
- Джеймисон Ф.* Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? / Пер. А. Горных // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сборник статей / Сост. и науч. ред. Н. Самутина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 32–49.
- (*Jameson F.* Progress versus Utopia; or, Can We Imagine the Future? Moscow, 2006. P. 32–49. — In Russ.)
- Жданов Ю.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
- (*Zhdanov Yu.* Vzgl'yad v proshloye: vospominaniya ochevidtса. Rostov-na-Donu, 2004.)
- Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968.
- (*Il'yenkov E.V.* Ob idolakh i idealakh. Moscow, 1968.)
- Ильенков Э.В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М.: Политиздат, 1980.
- (*Il'yenkov E.V.* Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma: (Razmyshleniya nad knigoy V.I. Lenina «Materializm i empiriokrititsizm»). Moscow, 1980.)
- Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. Изд. 2-е., доп. М.: Политиздат, 1984.
- (*Il'yenkov E.V.* Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii. Moscow, 1984.)
- Ильенков Э.* Учиться мыслить! // Ильенков Э. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 43–56.
- (*Il'yenkov E.* Uchit'sya myslyt'! // Il'yenkov E. Filosofiya i kul'tura. Moscow, 1991. P. С. 43–56.)
- Ильенков Э.В.* Космология духа // Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное: Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. С. 419–451.
- (*Il'yenkov E.V.* Kosmologiya dukha // Il'yenkov E.V. Abstraktnoye i konkretnoye: Sbranie sochineniy: In 3 vol. Vol. 1. Moscow, 2019. P. 419–451.)
- Кац П.С.* История советской фантастики. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2013.
- (*Kats P.S.* Istoriya sovetskoj fantastiki. Saint Petersburg, 2013.)
- Кобылин И.* «Электронный Лознгрин»: провиденциальная машина советской кибернетики // Художественный журнал. 2019. № 111. С. 27–35.
- (*Kobylin I.* «Elektronnyy Loengrin»: providentsial'naya mashina sovetskoj kibernetiki // Khudozhestvennyy zhurnal. 2019. № 111. S. 27–35.)
- Кобылин И.* «Deja vu и конец истории»: возможности и действительность // Неприкосновенный запас. 2022. № 5 (145). С. 67–77.
- (*Kobylin I.* «Deja vu i konets istorii»: vozmozhnosti i deystvitel'nost' // Neprikosnovennyy zapas. 2022. № 5 (145). P. 67–77.)
- Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.
- (*Kozellek R.* Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriyey? (Iz knigi «Proshedsheye budushcheye. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni») // Otechestvennyye zapiski. 2004. № 5. P. 226–241.)
- Коровашко А.* Мнимый Ильенков // Новый мир. 2024. № 4. С. 186–191.
- (*Korovashko A.* Mnimyy Il'yenkov // Novyy mir. 2024. № 4. P. 186–191.)
- Ласкин С.* «Гор сказал...». Геннадий Гор в дневниках 1964–1982 годов / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Ласкина // Звезда. 2017. № 10. С. 117–143.
- (*Laskin S.* «Gor skazal...». Gennadiy Gor v dnevnikakh 1964–1982 godov / Ed. by A. Laskin // Zvezda. 2017. № 10. P. 117–143.)
- [*Майданский А.Д.*] Вальдман Эд. О «кибернетических» повестях Геннадия Гора // Философия Э.В. Ильенкова и современность: Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. / Под общ. ред. А.Д. Майданского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 15–21.
- (*[Maidanskiy A.] Val'dman Ed.* O «kiberneticheskikh» povestyakh Gennadiya Gora // Filosofiya E.V. Il'yenkova i sovremennost': Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Il'yenkovskiyе chteniya». Belgorod, 28–29 April 2016 g. Belgorod, 2016. P. 15–21.)

- Майданский А.* «Не отомрёт, с-собака!»: Э.В. Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171–182.
(*Maidanskiy A.* «Ne otomrèt, s-sobaka!»: E.V. Il'yenkov o gosudarstve // Svobodnaya mysl'. 2013. № 4. S. 171–182.)
- Мареев С.* Встреча с философом Э. Ильенковым. М.: Эребус, 1997.
(*Mareyev S.* Vstrecha s filosofom E. Il'yenkovym. Moscow, 1997.)
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 219–368.
(*Marks K.* Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie // Marks K., Engels F. Sochineniya: In 50 vol. 2nd ed. Vol. 1. Moscow, 1955. P. 219–368. — In Russ.)
- Потемкин А.* О тайне «черного ящика» // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях / Под ред. Г.В. Лобастова. М.: РГГУ, 2004. С. 224–228.
(*Potemkin A.* O tayne «chernogo yashchika» // Eval'd Vasil'yevich Il'yenkov v vospominaniyakh / Ed. by G.V. Lobastov. Moscow, 2004. S. 224–228.)
- Рахманов Л.* Из воспоминаний. Геннадий Гор // Нева. 1984. № 6. С. 110–117.
(*Rakhmanov L.* Iz vospominaniy. Gennadiy Gor // Neva. 1984. № 6. S. 110–117.)
- Софронов В.* Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: V-A-C Press, 2022.
- (*Sofronov V.* Polozheniye mertvykh. Revizionistskaya istoriya «russkogo kosmizma». Moscow, 2022.)
- Чухров К.* Философское бессилие разума. Критика машинного интеллекта в работах Эвальда Ильенкова / Пер. с англ. А. Шестаков. GARAGE.DIGITAL. Музей современного искусства «Гараж», 2020 (URL: <https://cdn-ec-static.garagemca.org/storage/document/2/216/file-634401f9-a71e-46ec-8c46-08e4a4b48693.pdf>).
- (*Chukhrov K.* Filosofskoye bessiliye razuma. Kritika mashinnogo intellekta v rabotakh Eval'da Il'yenkova. GARAGE.DIGITAL. Muzey sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020 (URL: <https://cdn-ec-static.garagemca.org/storage/document/2/216/file-634401f9-a71e-46ec-8c46-08e4a4b48693.pdf>).
- Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
(*Schmitt C.* Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität // Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Saint Petersburg, 2016. P. 5–59. — In Russ.)
- Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 343–628.
(*Engels F.* Dialektik der Natur // Marks K., Engels F. Sochineniya: In 50 vol. 2nd ed. Vol. 20. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. P. 343–628. — In Russ.)
- Chakrabarty D.* The Climate of History in a Planetary Age. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2021.
- Chukhrov K.* Practicing the Good: Desire and Boredom in Soviet Socialism (e-flux). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020.
- Ilyenkov E.* Cosmology of the Spirit // Stasis. 2017. Vol. 5. № 2. P. 164–190.
- Mareyev S.* Cosmology of Mind // Studies in East European Thought. 2005. Vol. 57. № 3–4. P. 249–259.
- Virno P.* Dèjà Vu and the End of History. London; New York: Verso, 2015.
- Vivaldi G.* A Commentary on Evald Ilyenkov's Cosmology of the Spirit // Stasis. 2017. Vol. 5. № 2. P. 192–203.
- Žižek S.* Sex and the Failed Absolute. London: Bloomsbury, 2020.